

II. Вторая четверть XIX века

1. Общие замечания

¹ — Вторая четверть XIX века началась восстанием декабристов и его разгромом <...> В целях борьбы с революционным движением в 1826 г. Николай I учредил знаменитое III отделение Собственной Его Величества канцелярии во главе с графом А. Х. Бенкендорфом, которое беспощадно душило малейшие проявления независимой мысли, особенно в печати, в театре и школе. Тридцатилетний период царствования Николая I Герцен назвал «моровой полосой».

Конец первой четверти XIX века совпал с разгромом восстания декабристов. Николай I взошел на престол под грохот картечи и никогда не забывал того страха, который он пережил 14 декабря 1825 г. Общественная атмосфера николаевского царствования разительно отличается от таковой же предшествующего десятилетия. Даже при всех отрицательных чертах второй половины александровского правления (аракчеевщина, военные поселения и др.) по сравнению с николаевской эпохой она представляется несравнимо более благополучной во

всех отношениях. А. И. Герцен не раз писал о том понижении нравственного уровня общества, которое наблюдалось в николаевское время. И это вполне объяснимо: из образованного общества была изъята его лучшая часть; всеобщий страх, шпионство, предательство стали обычным явлением. Все, что было выше установленного ранжира, не поощрялось и не имело успеха. Так, в сущности, провалился «Современник» А. С. Пушкина, несмотря на то, что в нем печатались как сам поэт, так и Н. В. Гоголь, В. Ф. Одоевский, Д. В. Давыдов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и другие замечательные авторы. Значительная часть тиража осталась нераспроданной. Подвергся травле П. Я. Чаадаев. Студенты Московского университета даже изъявляли желание идти громить опального философа (это был 1836 год — уже выросло поколение, не знавшее свободы). В сороковые годы (которые А. А. Блок назвал «роковыми») на авансцену выходят разночинцы с их прагматизмом, дурно понятым материализмом, отсутствием литературного и художественного вкуса, неуважением к традициям. Но их звездный час был еще впереди, в 1860-е гг. Любопытно отметить, что к этой прослойке император относился вполне терпимо, очевидно помня, что среди его «друзей 14-го», как он называл декабристов, не было представителей этого сословия. Учреждение же III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1880) во главе с графом А. Х. Бенкендорфом, как правильно пишет Н. В. Здобнов, было направлено к тому, чтобы препятствовать распространению свободомыслия, т. к. оно выполняло в России функции полицейского надзора и сыска — его исполнительным органом был Отдельный корпус жандармов.

Л. М. Равич

Мнение Л. М. Равич о Николаевской эпохе более соответствует взгляду поколения шестидесятников, открывших для себя Герцена, чем современному объективному взгляду на эту эпоху. Это, пожалуй, едва ли не единственный случай, когда Равич солидарна со Здобновым во взглядах. Основой восприятия Николаевской эпохи (1826–1855) последующими поколениями как «мрачного тридцатилетия» послужили «Былое и думы» Герцена, цитируемые Здобновым. К традиционной либеральной историографии, весьма критически относившейся к личности Николая I, восходят и представления Здобнова о развитии общественной мысли в его царствование. Сведения об эпохе, почерпнутые из курсов Р. В. Иванова-Разумника, Г. В. Плеханова, Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, Здобнов дополнил рядом уточнений и дополнений фактографического характера из популярных в начале XX в. исследований А. М. Скабичевского⁽¹⁾ и М. К. Лемке.⁽²⁾ В этой связи закономерным представляется игнорирование Здобновым всех апологетических исследований о Николае I (Н. Г. Устрялова, Д. Н. Блудова, М. А. Корфа, Н. К. Шильдера), равно как и неупоминание двух претендовавших на объективность жизнеописаний самодержца — вышедшего в 1918 г. отдельным изданием труда М. А. Полиевктова,⁽³⁾ представлявшего собой расширенный вариант статьи, предназначенной для «Русского биографического словаря»,⁽⁴⁾ а также изданной к юбилею восстания декабристов книги А. Е. Преснякова.⁽⁵⁾ В традиционной как для либерального, так и для коммунистического мировосприятия трактовке Здобновым Николаевской эпохи она определялась прежде всего разгромом заговора декабристов. Следует учесть, что в интерпретации событий 14 декабря 1825 г. авторы до 1906 г. были стеснены цензурными правилами, а после 1917 г. — политической конъюнктурой. Так, беспристрастное рассмотрение Николаем I улик, добытых следствием, и существенное смягчение вынесенного Сенатом приговора по высочайшей конфирмации⁽⁶⁾ не нашло отражения в историографии событий 14 декабря 1825 г. Следует упомянуть, что два крупнейших в 1930-е гг. специалиста по Николаевской эпохе были лично знакомы автору «Истории русской библиографии...» — князь Н. В. Голицын жил в одном доме со Здобновым, а К. В. Сивков входил в круг его близкого общения. Ранее уже была отмечена зависимость употребленных Здобновым формулировок от вышедшего в начале 1941 г. первого тома «Истории дипломатии», где наиболее авторитетный историк Сталинской эпохи Е. В. Тарле дал крайне негативную характеристику деятельности Николая I.

Учреждение в 1826 г. III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии отражало потребность в действенной организационной структуре, собирающей сведения о реальном положении дел в Российской империи и принимающей незамедлительные

меры к устранению недостатков; политический надзор был лишь частью функций этого ведомства. Генетически создание III Отделения восходит к «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», поданной в 1803 г. М. М. Сперанским Александру I, в которой содержалась идея «высшей полиции». Одним из следствий подачи «Записки» было учреждение в 1810 г. Особенной канцелярии Министерства полиции и опала самого Сперанского.⁽⁷⁾ В общей системе политического надзора наблюдению за событиями в литературном мире придавалось особое значение.⁽⁸⁾

Едва ли следует упрекать Здобнова за предвзятое отношение к Николаевской эпохе — в работе над «Историей русской библиографии» он был вынужден следовать официальной точке зрения, когда имя самодержца употреблялось исключительно в негативном контексте. Высказанное в 1912 г. мнение Ю. В. Готье о том, что «беспристрастное и хладнокровное отношение, необходимое для оценки деятельности и личности Николая Павловича, не наступило и до сих пор»⁽⁹⁾ оставалось справедливым до конца XX в. — в России лишь в 1996 г. состоялась научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Николая I, где впервые была дана объективная характеристика его деятельности.⁽¹⁰⁾ Позднее увидели свет написанные с объективных позиций труды Б. Н. Тарасова⁽¹¹⁾ и Л. В. Выскоцкого.⁽¹²⁾ Напротив, в западной историографии личности и деятельности Николая I всегда уделялось должное внимание — в нем были склонны видеть исчезнувший в Европе тип монарха-рыцаря и олицетворение абсолютной власти.⁽¹³⁾ Без преувеличения можно сказать, что все существовавшие к 1920–1930 гг. основные труды, посвященные Николаю I и его эпохе, оказались обойденными вниманием Здобнова.

М. П. Лепехин

² — Во главе Министерства народного просвещения почти во весь этот период времени стояли известные крепостники и мракобесы: сначала (с 1824 по 1828 г.) адмирал А. С. Шишков, а с 1833 по 1849 граф С. С. Уваров.

Едва ли можно согласиться с характеристикой А. С. Шишкова и С. С. Уварова исключительно как «известных крепостников и мракобесов».

Шишков Александр Семенович (1754–1841), государственный деятель, адмирал, писатель (автор од, переложений псалмов); президент Российской академии, в 1824–1828 гг. — министр народного просвещения, инициатор введения так называемого «чугунного» цензурного устава 1826 г. (О нем см. примеч. 153 к гл. 11 «Славяно-русская библиография» раздела «Первая четверть XIX века»).

Уваров Сергей Семенович, граф (1786–1855), государственный деятель, почетный член и президент (1818–1855) Императорской Академии наук, помощник директора Императорской Публичной библиотеки (1812–1833). В 1833–1849 гг. — министр народного просвещения. (О нем см. примеч. 174 к гл. 11 «Славяно-русская библиография» раздела «Первая четверть XIX века»). С именем Уварова традиционно связывается введение доктрины «православие — самодержавие — народность» в качестве выражения государственной идеологии.

³ — В 1834 г. запрещен лучший для того времени журнал Полевого «Московский телеграф» <...> в 1836 г. запрещен журнал «Телескоп» Надеждина за «Философическое письмо» Чаадаева...

Культурная жизнь того периода, конечно, не могла замереть окончательно, но получила весьма ощутимые удары: были запрещены лучшие журналы эпохи: «Московский телеграф» Н. А. Полевого, «Европеец» И. В. Киреевского, «Телескоп» Н. И. Надеждина. Сильно отставало от потребностей читателя и книгопечатание, а на все прошения об издании новых журналов, как справедливо указывает Здобнов, следовала высочайшая резолюция: «И без того много!».

Журнал «Телескоп» был закрыт после событий, последовавших за напечатанием первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева в № 15 за 1836 г. Публикация в «Телескопе» озаглавлена: «Философические письма к г-же ***. Письмо первое». (См. примеч. 130 к гл. [12] «„Телескоп“ и „Молва“ Н. И. Надеждина»).

⁴ — Но несмотря на этот террор, прогрессивная журналистика играла исключительную роль в общественной жизни, умея находить особый язык, который был понятен читателю. Эта роль в значительной мере падает на критико-библиографические отделы в журналах <...> Можно сказать, что во второй четверти XIX века русская библиография развивается главным образом в журналах.

Библиография (за исключением библиографии журнальной) тогда считалась тихой заводью. Это было академическое занятие, чуждое злобе дня и потому не преследовавшееся цензурой. К важнейшим библиографическим явлениям второй четверти века следует прежде всего отнести выход в свет в 1828 г. каталога библиотеки А. Ф. Смирдина⁽¹⁴⁾ и возникновение текущей библиографической регистрации в виде «Указателя вновь выходящих книг» в «Журнале Министерства народного просвещения» (1837–1855). К 1850-м гг. относится начало деятельности нескольких выдающихся библиографов, прославившихся уже во второй половине века: М. Н. Лонгинова, Г. Н. Геннади, М. П. Полуденского. Продолжалась деятельность и их старших коллег: митрополита Евгения (Болховитинова), С. А. Соболевского, С. Д. Полторацкого. Невиданный ранее расцвет библиофильства не мог не оказать определенного влияния и на развитие библиографии. Многие известные библиографические работы того времени основывались на личных собраниях, которые были, как правило, доступны и другим исследователям книги, литературы, культуры. К сожалению, в книге Здобнова отсутствуют сведения о С. А. Соболевском, С. Д. Полторацком, т. к. он обращал внимание, в основном, на опубликованные работы. Между тем громадный труд Полторацкого «Мой сборник биографический», хоть и не издавался, но был широко известен и доступен для исследователей. Что же касается Соболевского, то он являлся генератором идей, вдохновителем многих работ, а также автором ряда опубликованных рецензий на библиографические указатели, имевшие принципиальное значение. Из своей книги Здобнов исключил анализ лекционного курса П. О. Ярковского по библиографии, читавшегося в Кременецком лицее в 1809–1832 гг., хотя это был первый опыт преподавания библиографии на территории Российской империи (см. примеч. 28 к гл. 1 «Начало века» раздела «Первая четверть XIX века»), поэтому вывод Здобнова о том, что «библиография второй четверти XIX в. развивалась главным образом в журналах» не вполне справедлив, хотя, несомненно, журнальная библиография и в тот период играла важную роль в жизни российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁽¹⁾ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб. : Ф. Ф. Павленков, 1892. [8], 495 с.

⁽²⁾ Лемке М. К. 1) Очерки по истории русской литературы и журналистики XIX столетия. СПб. : М. В. Пирожков, 1904. XIII, [3], 427 с. : ил., портр.; 2) Николаевские жандармы и литература. 1826–1855 гг. : по подлинным делам Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб. : Изд-во С. В. Бунина, 1908. XVI, 614 с., 7 л. портр.

⁽³⁾ Полиевктов М. А. Николай I: биография и обзор царствования. М. : М. и С. Сабашниковы, 1918. XII, 392, [1] с.

⁽⁴⁾ См.: Лепехин М. П. Предисловие // Русский биографический словарь : неопубл. материалы / под ред. М. П. Лепехина. М. : Аспект Пресс, 1998. [Т.] Николай I – Никон. С. 3–4.

⁽⁵⁾ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия: Николай I. Л. : Брокгауз – Ефрон, 1925. 97, [2] с.

⁽⁶⁾ См.: Голицын Н. В. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // Рус. ист. журн. 1917. № 1/2. С. 61–102.

⁽⁷⁾ См.: Троицкий И. М. Третье отделение при Николае I. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1930. 139, [2] с. (Научно-популярная библиотека по истории революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях ; № 1 (27)). (Переиздание: Л. : Лениздат, 1990); Деревнина Т. Г. III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1973. 24 с.; Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М. : Мысль, 1982. 207 с.; Россия под надзором: Отчеты III Отделения, 1827–1869 / сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова ; гл. ред. А. Л. Налепин. М. : Тритэ, 2006. 703 с.; Лурье Ф. М. Политический сыск в России, 1649–1917. М. : Центрполиграф ; СПб. : Мим-Дельта, 2006. С. 55–87; Симбирцев И. Третье Отделение: первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи, 1826–1880. М. : Центрполиграф. 2006. 383 с.

⁽⁸⁾ См.: Видок Фиглярин : письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / подгот. [с предисл. и коммент.] А. И. Рейтблат. М. : НЛО, 1998. 703 с., [8] л. ил., портр., факсим.

⁽⁹⁾ Готье Ю. В. Император Николай I : (опыт характеристики) // Три века. Россия от Смуты до нашего времени : ист. сб. / под ред. В. В. Каллаша. М., 1913. Т. 5. С. 309.

⁽¹⁰⁾ Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение = Russia at the time of Nicolas I: science, politics, enlightenment : к 275-летию со дня рождения Николая I : [материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 18–19 дек. 1996 г.] / отв. ред. Н. Ф. Хартанович, М. И. Микешин. СПб., 1998. 304 с. : ил., портр. (Философский век : альманах ; вып. 6).

⁽¹¹⁾ Николай I и его время : документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / сост., предисл. и примеч. Б. Н. Тарасова. М. : ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1–2.

⁽¹²⁾ Выскочков Л. В. 1) Император Николай I: человек и государь / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. 638, [1] с.; 2) Николай I. М. : Молодая гвардия, 2003. 693, [1] с., 16 л. ил., портр. (ЖЗЛ ; вып. 861).

⁽¹³⁾ См.: Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии российской монархии / авториз. пер. с англ. С. В. Житомирской. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I : материалы и исслед. С. 336–543.

⁽¹⁴⁾ Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная... СПб., 1828. 907 с. разд. паг.

Л. М. Равич, М. П. Лепехин